

Театр одного дирижера

«Новая опера» отметила свое десятилетие

Евгений Колобов: *bravissimo* как стиль жизни.

Этот театр — замечательный плод самого громкого театрального скандала не только в столице, но и в масштабах страны. В конце 1990 года конфликт разгорелся, поскольку тогдашний худрук Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко Евгений Колобов отказал старикам в партиях молодых героев в «Евгении Онегине». Это волевое решение оказалось концептуальным не столько для отдельно взятого спектакля, сколько для самого маэстро. Ибо последовавший за этим раскол труппы вынудил Колобова покинуть театр, а за ним последовала лучшая часть оперных солистов, оркестрового и хорового коллективов — всего около двух сотен человек. Таким образом, десять лет назад Евгений Колобов оказался на пороге «славных дел» — хлопот по созданию нового оперного театра в столице.

Почти семь лет театр был похож на труппу бродячих музыкантов, находя временный приют на различных московских подмостках, как правило не приспособленных для оперного музицирования. Но, как ни парадоксально, именно в этот скитальческий период, находя и ставя редчайшие оперные сочинения — «Марию Стюарт» Доницетти, дивертисмент из всяких радостей Россини и «Валли» Каталани, Евгений Колобов действительно создает новое оперное пространство в России — страстное и очень личное. Потому что это не только эксклюзивный репертуар, но и авторская (от маэстро) переработка композиторской партитуры. Колобов говорит: «Мечтаю, чтобы в мой театр приходили не на Верди, а на то, как мы понимаем Верди. К тому же у современного человека, когда темпы жизни так изменились, нет времени проводить в опере по пять часов».

«Евгений Онегин» Чайковского — последняя бездонная работа театра и лучшая за всю его историю, которую теперь уже можно измерять юбилеями. В этом спектакле концепция колобовского театра сконцентрирована и воплощена на уровне настоящего потрясения. До предела сжата пружина времени и действия. В одноактном двухчасовом представлении нет ни секунды тишины. Звучание оркестра пьянит слух, глубина манит в объятия. Здесь главные действующие лица — музыканты. Евгений Колобов не просто дирижер. Он режиссер музыки. В его невероятно пластичном, гипнотическом дирижерском жесте сосредоточена вся мощь захватывающего замысла. А оркестранты, хор и даже солисты лишь подмастерья маэстро.

В этом заключается еще один парадокс колобовского театра. Это оперный театр, где отсутствует культ певца. И поэтому тут нет звезд-солистов. А если кто-нибудь только обозначит свои претензии на что-то подобное, он почти сразу исчезает из театра, иногда по каким-то очень странным причинам. «Мы воспитываем Шалапиных, воспитываем, их тут же приглашают в Метрополитан и другие театры, уже человек 30 уехали. И вообще, когда ко мне приходят молодые певцы — я уже знаю, когда они уйдут» — таким образом объясняет маэстро сложившуюся ситуацию.

В конце 1998 года мэр Москвы Юрий Лужков подарил Евгению Колобову театр. То есть, здание в саду «Эрмитаж» с некото-

рым покушением на архитектурную моду, но очень уютное внутри, с прекрасно оснащенной сценой и хорошей акустикой в зале. Но как только у «Новой оперы» появился свой дом, маэстро стал все реже выходить к дирижерскому пульта. Все чаще в его поведении видны мизантропические черты. Он не дает интервью, поясняя: «Этим я хочу быть похожим на Рихтера», первым, буди чего-то стеснясь, убегаем с поклонов. Даже от цветов поклонников избавляется с какой-то прямо-таки суеверной скоростью. Не признает наград и званий. Публично проявляет склонность к черному юмору: «Скоро я буду с Богом разговаривать, поэтому все жизненные коллизии меня теперь мало волнуют».

Может быть, поэтому первый в истории театра круглый юбилей прошел по-домашнему. Даже мэр не приехал поздравить свое любимое создание. Театр просто показал премьеру — *Bravissimo*, — с поролоновым сердечком в подарок каждому зрителю и фейерверком в финале. Это музыкальный дивертисмент-капустник в двух частях (идея супруги маэстро Натальи Попович, постановка Ивана Фадеева, сценография Виктора Герасименко). Первая — фрагменты из русских опер, вторая — итальянская музыка при участии французов Гуно и Бизе, а также австрийца Моцарта. До антракта все артисты — горожане Москвы Гиляровского — прогуливаются в саду «Эрмитаж» и поют себе в свое удовольствие. А после антракта действие перемещается собственно в театр. На сцене одновременно и подмостки, и закулисы. К примеру, квинтет из «Кармен» поручили официанткам и стюардам. Но в основном, конечно, доминирует театр с пышными, аляповатыми нарядами (художник по костюмам — Мария Данилова). Апофеозом всеобщего веселья становится ария Линды из оперы Доницетти «Линда ди Шамуни», исполнение которой певица сопровождает консумацией.

Певцы в обоих составах, а это почти все солисты театра, поют плохо и очень плохо, и лишь единицы — на профессионально удовлетворительном уровне. Им с трудом дается каждая нота. В программе же значатся вещи, требующие вокальной виртуозности и большого мастерства — каватина Нормы Беллини, каватина Фигаро из «Севильского цирюльника» Россини, арии Неморино из «Любовного напитка» Доницетти, аляповатый «Соловей», песня Веденевского гостя из оперы Римского-Корсакова «Садко» и еще кое-что не менее сложное, но менее шлягерное.

Как всегда в «Новой опере» фирменно хорош хор и замечателен оркестр. Хотя за дирижерским пультом в основном стоял не Колобов, а молодой дирижер Дмитрий Волосников, похоже способный стать даже приемником маэстро. Сам же Евгений Колобов, музыкальный руководитель, лишь дважды взметнул руку над оркестровой ямой. В сарафине первого действия он вдохнул жизнь в пустыню Глинка «Разлука» в собственном переложении для оркестра, в начале второго — провел по пустыни пленных иудеев из ермеевского «Набукко». И музыканты, как ангелы, рождали божественные звуки. Жаль только, что это случается совсем не часто, хотя Колобов и говорит: «Театр, наверное, лучшая моя работа за всю жизнь».